

этим онъ не утверждаетъ, но отрицаетъ свободу, ибо гдѣ свобода, гдѣ есть «неизбѣжность». Мнѣ кажется, что человекъ могъ бы осуществить свою свободу, пройти «великое испытаніе» и не впадая въ грѣхъ. Ссылка на фактъ грѣхонаденія неумѣстна, во первыхъ потому, что лишь отодвигаетъ проблему, во вторыхъ потому, что, съ точки зрѣнія всеединства, паденіе въ Ренессансѣ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ само первоначальное паденіе. Тема исторіи — авторъ правъ — есть тема свободы. Но свобода вовсе не есть свобода выбора между добромъ и зломъ, и безъ выясненія понятія свободы метафизика исторіи невозможна. Настоящее же понятіе свободы позволяетъ иначе, не по манихейски, ставить проблему зла и глубже понять абсолютное. Справедливо утвержденіе, что для пониманія исторіи необходимо признать «внутреннюю трагедію въ жизни Божественной» (59) и что неправильно «глядкое раціоналистическое пониманіе природы Абсолютнаго», какъ исключающей движеніе (60). Однако отсюда не слѣдуетъ, что достаточно признать, «внутреннюю антиномичность всякаго Богопознанія» (63) или удовлетвориться «миѳологемами» гностицизма (65). Въ мистическихъ и философскихъ ученіяхъ объ Абсолютномъ, въ частности у Григорія Нисскаго, Максима Исповѣдника, у Эрүченъ, можно найти выходъ за миѳологеми и антиномичность, которая всегда только указываетъ на тайну, только требуетъ *приближенія* къ ней.

Таковы нѣкоторыя, наиболее существенныя замѣчанія о книгѣ Н. А. Бердяева. Повторяю, они нисколько не умаляютъ того, что въ ней дано. А въ ней поставлены основныя проблемы метафизики исторіи, частью рѣшены, частью намѣчены къ разрѣшенію. Она настойчиво призываетъ къ *персонификѣ* многого прочно укоренившагося въ сознаніи современнаго человека, и менѣе всего мнѣ бы хотѣлось, чтобы замѣтка моя была понята иначе, чѣмъ призывъ къ самому внимательному ознакомленію со «Смысломъ Исторіи».

Л. Карсавинъ

Труды русскихъ ученыхъ за-границей. Сборникъ Академической Группы въ Берлинѣ подъ редакціей профессора А. И. Каминка. Томъ II. 1923. Книгоиздательство «Слово».

Оторванные отъ родной почвы русскіе ученые продолжаютъ и въ тяжелыхъ условіяхъ вынужденной «командировки» за границу свою плодотворную культурную работу: подвергаются пересмотру «идеологій» той или другой науки, устанавливаются правильныя историческія перспективы, применяются новыя методы къ изученію

явленій общественной жизни и описывается ирреальное достижение результатов науки в жизнь.

Прекрасно изданный второй томъ «Трудовъ» открывается статьей А. И. Каминка, посвященной научной дѣятельности безвременно погибшаго В. Д. Набокова. Съ приложеннаго къ книгѣ портрета на васъ глядитъ открытое лицо этой всесторонне и богато одаренной натуры, которая въ своемъ самопожертвованіи общественности не знала границъ. На алтарѣ этой общественности онъ сжегъ безъ всякаго сожалѣнія свою блестящую карьеру, ей же онъ принесъ въ жертву отчасти и свою научную дѣятельность. Ученія Таганцева, Фойницкаго, а позднѣе — Листа, онъ, конечно, сдѣлалъ много, что могло бы заполнить жизнь и создать репутацію незауряднаго ученаго, — достаточно напомнить его профессорскую дѣятельность, изслѣдованія о смертной казни, многочисленныя юридическія статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ въ основанномъ имъ журналѣ «Право», дѣятельное и подчасъ незамѣнимое благодаря великолѣпному знанію нѣсколькихъ языковъ участіе въ Международномъ Союзѣ Криминалистовъ. Но сильнѣе тѣмъ жила кабинетнаго ученаго въ немъ билась горячая кровь борца за право и законность. И оттого онъ пошелъ тернистой стезей политическаго дѣятеля. Начиная съ вызова старому режиму въ статьѣ «Кишиневская кровавая баня» и кончая тѣмъ трагическимъ моментомъ, когда онъ своимъ тѣломъ попытался заполнить пропасть, разъѣдавшую разные круги русской общественности, Набоковъ всегда повиновался велѣніямъ сердца гражданина.

Это рѣдкое сочетаніе двухъ стихій — горячаго сердца и точно взвѣшивающаго разума особенно нужно въ наше грозное время — великую эпоху безъ великихъ вождей, когда надо уяснить себѣ, почему несомнѣныя культурныя дѣланы были вовлечены въ обійій водоворотъ вмѣстѣ съ осужденными на гибель отмирающими догмами, когда надо понять или скорѣе почувствовать все значеніе начертанныхъ рукой исторіи «менetekель», а не стараться изъ всѣхъ силъ сгнившими сваями прошлаго подпереть зданіе будущей Россіи. И оттого особенный интересъ представляють попытки пересмотра научныхъ идеологій съ цѣлью отдѣлать отмирающія догмы отъ живыхъ силъ конкретной дѣятельности, — пересмотра, въ которомъ особенно нуждаются общественныя науки.

Изъ потребности приспособить научную идеологию и философію какъ ея высшее завершеніе къ дѣятельности, улыбающей изъ разставленныхъ ей сѣтей готовыхъ схемъ, родилось то движеніе въ философіи, которому посвящаетъ свои «Замѣтки о плюрализмѣ» П. Б. Струве. Плюралистическій методъ, подходящий къ міру не съ условно статической точки зрѣнія, а берущій дѣятель-

ность въ ея текучести, въ процессъ самозарожденія и вѣчнаго обновленія, проникаетъ постепенно во многія науки. Самымъ важнымъ достиженіемъ въ своихъ теоретико-экономическихъ изысканіяхъ П. Струве счѣтаетъ то, что онъ далъ политической экономіи плюралистическое основаніе замѣной монизма *цѣлности* многообразиемъ *цѣль*.

Плодотворность плюралистической точки зрѣнія сказывается даже въ области точныхъ наукъ, — на примѣръ, современная теоретическая физика всецѣло тяготеетъ къ плюрализму въ своемъ стремленіи прислушаться къ разнообразному бѣнію пульса природы. Но еще большее примѣненіе можетъ получить это философское направленіе въ правовѣдѣніи, гдѣ къ богатству эмпирическаго опыта присоединяется дѣйствительная сила нормы. Сила эта — *power to work* на языкѣ прагматизма, — направленная на созданіе все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ общежитія, сглаживаетъ острые и подчасъ очень рѣзко сталкивающіеся углы индивидуальных пенхикъ сочетаніемъ атмосферъ этики и властвованія, какъ то показываетъ въ своей статьѣ «Право какъ коллективно психологическая реальность» Н. Тимашевъ; самый историческій процессъ развитія права можетъ быть разсмотрѣнъ не въ искусственно ему навязанной технической разорванности, а въ осмысленной текучести, гдѣ особенное значеніе приобрѣтаютъ поворотные пункты неготоріи (ст. Ѳ.Тарановскаго «О періодизаціи въ исторіи права»); самые критеріи научно-историческаго разсужденія претворяются, выясняется ошибочность, можетъ быть и глубоко продуманныхъ, но навязанныхъ исторіи застывшихъ схемъ, какъ «нормальная» экономическая схема Бюхера, натурально-мѣшное хозяйство (С. И. Штейнъ. Натуральное хозяйство). Окончательныя формы рационализаціи науки уступаютъ мѣсто живой статистификаціи, проникающей понемногу не только въ обществовѣдѣніе, но и въ область естествознанія. Не склоняясь ни въ сторону детерминизма, ни въ сторону индетерминизма, современная наука пытается учесть непредвидѣнное, случайное, и здѣсь ей на помощь приходитъ загадочная правдивость въ распредѣленіи шансовъ, выражающаяся въ законѣ большихъ чиселъ. Какъ въ «кривой ошибокъ» Лапласа-Гаусса нашла себѣ элегантно-математическое разрѣшеніе случайность, ошибочность нашихъ измѣреній, — приемъ, дающій возможность изучить законы распредѣленія значеній одной переменн. — такъ современная биометрика пытается уловить связь между двумя рядами единичныхъ процессовъ, слагающихся въ массовые итоги, и дать ему математическое выраженіе. Этой задачѣ, усложняя ее все больше и больше, отдастъ свои силы А. А. Чупровъ. Во второмъ томѣ «Трудовъ» помѣщено его изслѣдованіе «Исходная

задача математической теории приемов статистического исследования связи между двумя случайными переменными», равно как и работа Я. Мордуха «О связанных испытаниях, отвечающих условию стохастической коммутативности», носила на себе, помимо того, печать школы проф. А. А. Чупрова. Рациональные схемы, математическая «априорная» ожидания причудливо переплетаются с эмпирическими данными, и тем больше капризная действительность в разнообразном сдвигении ее клубков вторгается в поставленную себя ученым задачу, тем запутаннее становится лабиринт математических выкладок и язык приобретает непроходимую таинственность языка древних агуруров, требующая расшифровки с помощью специального словаря. Но таковы, помимо того, удельная научная исследовательская работа в наше время: тем ближе мы подходим к последним тайнам бытия, тем непроходимее и запутаннее становятся пути, ведущие к ним. Вспомним хотя бы трудную форму, из которой вынужден был облачить свою знаменитую теорию Эйнштейн.

Указанными исследованиями не исчерпывается содержание второго тома «Трудов». Картинно и живо написана статья Н. Арсеньева. «Образ страждущаго Христа в религиозных переживаниях средних веков»; ст. А. Багрова обращает внимание на любопытную находку автора в стогольском государственном архиве -- чертеж украинским и черкасским городам XVII века, -- эта находка представляет особенный интерес в виду утери Большого Чертежа Государства Российского. Продолжается печатанием обстоятельное исследование проф. Д. Гримма, в котором почтенный романист подходит с новой точки зрения к «Проблемам вешних и личных нрав в древне-римском праве» («Своеобразная форма совокупной собственности с избыточным содержанием»). В. Э. Нольде касается истории русского права в его конфликтах с иностранными законодательствами; А. Погодин рассказывает об опыте языческой реставрации при Владимире, а Н. Савицкий приходит в своей статье «Материалы по сельско-хозяйственной эволюции России» к выводу о росте экстенсивного начала в сельско-хозяйственном укладе от 80-тых к 90-тым годам. Технологии посвящены в сборнике две статьи С. Тимошенко, известная своими работами по теории сопротивления материалов.

Единственная область, где эволюция научного исследования связана с пользой именно благодаря созданной войной перегруппировке государственных образований, была область уголовного права. Ст. А. Масленова напоминает угрозитель за последние годы крупных представителей этой науки и характеризует новую

завоеванія въ области уголовно-матеріальнаго законодательства послѣ войны: мѣры социальной защиты превѣщаютъ идею «справедливаго возмездія». Въ лицѣ нашего выдающагося криминалиста, бывшаго профессора бѣградскаго университета М. П. Чубицкаго русская наука и дѣйствионо участвуетъ въ реформѣ уголовного права и процесса въ королевствѣ СХС. Царившій до войны въ Сербіи инквизиціонный процессъ замѣняется состязательнымъ, и въ проектѣ новаго уголовного уложенія вносятся почти все новѣйшія достиженія науки уголовного права. Послѣ страшной катастрофы, обрудившейся надъ Европой, вырисовываются въ этой области проблески лучшаго будущаго:

Л.

Левъ Шестовъ. «Власть ключей». Издательство «Скифы». Берлинъ, 1923.

*Le coeur a ses raisons que
la raison ne connaît pas.*

Pascal.

Не противъ делегированной въ силу извѣстнаго евангельскаго стиха намѣстнику св. Петра власти визать и рѣшить людей здѣсь на землѣ направлена новая книга Л. Шестова „Potestas clavium“, а противъ притязаній «вѣчныхъ» истинъ на господство надъ человѣческими думами; противъ деспотической власти идеи-боговъ и всякаго рода обобщающихъ началъ; и — last, not least — противъ тираниа нашего самодержавнаго разума, претендующаго на власть ключей не только въ области точной науки, но и въ сферѣ философіи и даже религіи. «Поскребите какого хотите европейца, хоть бы онъ былъ позитивистомъ или даже матеріалистомъ, и вы очель скоро доберетесь до средневѣковаго католика, судорожно цѣпляющагося за неотъемлемое и исключительное право отпирать врата небеснаго царства себѣ и своимъ ближнимъ». (Вл. кл., 41). Сила принужденія посяетъ не только въ дыму инквизиціонныхъ костровъ, но и на остріѣ тонко отточенныхъ аргументовъ и доказательствъ. Армія создается «идеологіей», всеобщей воинской повинностью одному Молоху, будь то чернающій все изъ себя королевскій разумъ или идея бога-добра. Философскія книги могутъ быть тюрьмами, гдѣ бьется палъшой мысли раздраженъе, а создатели философскихъ системъ — палачами, топящими передивающую всеми цвѣтами радуги жизнь въ сѣромъ «общемъ», Александрями Македонскими, разрубающими мечомъ «доказательствъ» гордые умы бытія.

Мы сковываемъ природу законами, нашъ духъ — системой твердыхъ или текучихъ понятій и даже надъ произволомъ боговъ че-